

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра романо-германской филологии и переводоведения

**Ключевые слова текущего момента (на материале современной
американской прессы)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 422 группы
направления 45.03.01 «Филология»
Института филологии и журналистики
Евдоченковой Александры Андреевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент

_____

подпись, дата

Т.В. Харламова

Зав. кафедрой
к.ф.н., доцент

_____

подпись, дата

Т.В. Харламова

Саратов 2017

Введение. Данная работа представляет собой исследование ключевых слов текущего момента (КСТМ) на материале современной американской прессы.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что КСТМ позволяют обозначить процессы и изменения, имеющие место в современном дискурсивном пространстве, что помогает аудитории в формировании мнения о происходящих событиях и собственной картины мира.

Новизна работы заключается в том, что исследование проводится на современном материале, который не анализировался ранее.

Объектом исследования является американский политический медиадискурс. **Предметом** исследования являются ключевые слова текущего момента как особые языковые единицы, которые концентрируют в себе содержание общественно-политической ситуации в стране в данное время и являются её языковой реализацией.

Цель исследования заключается в вычленении, анализе и описании специфики КСТМ на примере современных американских печатных изданий.

Поставленная цель достигается путём решения следующих **задач**:

- определить понятие политического медиадискурса;
- определить понятие «ключевое слово текущего момента»;
- описать критерии, согласно которым слова можно отнести к группе КСТМ;
- вычленить ключевые слова в современной американской прессе;
- изучить особенности ключевых слов и их функционирования;
- рассмотреть способности КСТМ отражать общественно-политическую ситуацию в стране.

Материалом для исследования послужили американские печатные издания «The New York Times» и «The Washington Post» за 2014-2016 годы.

Общий **объём материала** составил 1600 статей. Статьи для анализа были отобраны методом сплошной выборки.

Основными **методами**, используемыми в работе, являются метод дискурсивного анализа и описательный метод.

Данная работа содержит введение, две главы и заключение. Первая глава, «Ключевые слова текущего момента в политическом медиадискурсе», состоит из двух разделов: «Теоретические основы изучения политического медиадискурса» и «Ключевые слова текущего момента и подходы к их изучению». Вторая глава, «Анализ ключевых слов текущего момента в современной американской прессе 2014-2016 гг.», состоит из следующих разделов: «Имена собственные как КСТМ» (с подразделами «КСТМ-антропонимы», «КСТМ-топонимы»), «КСТМ-аббревиатуры», «КСТМ-гибридные образования», «Имена нарицательные как КСТМ».

Апробация работы. Всероссийская конференция молодых учёных «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 27-29 апреля 2016 года).

Основное содержание работы. В Главе 1 «Теоретические основы изучения политического медиадискурса» рассматривается понятие дискурса, который является сложной, многогранной категорией, о чём свидетельствует большое количество работ, посвящённых анализу данного понятия, его определений и подходов к его изучению.

В.И. Карасик понимает дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения» и предлагает выделение двух основных типов дискурса: персональный и институциональный дискурсы [4: 6]. «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института» [4: 11].

Для данного исследования особый интерес представляют политический и медийный виды дискурса, а именно гибридный вид дискурса – политический медиадискурс. Для того, чтобы наиболее точно охарактеризовать политический медиадискурс, целесообразно проанализировать составляющие этого типа дискурса по отдельности.

Политический дискурс является основным, наиболее важным понятием политической лингвистики, представляющим собой особый вид дискурса и имеющим своей целью «завоевание и удержание политической власти» [6: 39].

Согласно Е.И. Шейгал, политический дискурс представляет собой «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освящённых традицией и проверенных опытом» [2].

Медиадискурс, так же, как и политический дискурс, является комплексным и многогранным понятием. С.А. Виноградова говорит о том, что дискурс СМИ выступает посредником между человеком и окружающей его действительностью, так как данный вид дискурса направлен на передачу мнения и, как следствие, формирование общественного мнения, поэтому базой данного дискурса является формирование определённых установок у целевой аудитории [11].

Политический дискурс и медиадискурс, соединяясь, образуют гибридный вид дискурса – политический медиадискурс, который представляет собой коммуникацию в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух признаков: цель и участники общения [17].

Г.В. Никитина предлагает следующее определение данному феномену: «политический дискурс СМИ - сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный, социокультурный и прагматический, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [17: 34].

Современная политическая коммуникация опосредована дискурсом масс-медиа, так как политики все реже общаются с населением напрямую и все чаще делают это через средства массовой информации. Данный вид дискурса ежедневно выполняет роль посредника между политиками и

простым населением, осуществляя тем самым свою основную функцию - манипулирование массовым сознанием и управление мнением населения в необходимом для политика русле [17].

В ходе исследования было рассмотрено понятие «ключевые слова текущего момента» и подходы к их изучению.

Изучением КСТМ занимались такие исследователи, как Т.В. Шмелёва, А. Вежбицкая, И.А. Нефляшева, Т.В. Федотова, С.В. Ильясова и другие.

Т.В. Шмелёва определяет КСТМ как «слова и обороты, актуальные именно для данного, текущего, сравнительно короткого исторического периода развития общества» [20].

Т.В. Шмелёва также разработала концепцию лингвистических параметров ключевых слов: 1) частотность употребления; 2) текстовое пространство (ключевые слова довольно часто помещаются в названия статей и рубрик и выдвигаются в заголовки газетных текстов); 3) грамматический потенциал слова (возможности слова образовывать новые слова); 4) синтагматика (сочетаемость возможности слова); 5) парадигматика (формирование новых синонимических, антонимических и других связей, накопление новых коннотаций); 6) онимическое употребление (использование слова в качестве имени собственного); 7) употребление слова в предложениях-дефинициях; 8) языковая рефлексия (включённость ключевого слова в метаязыковые высказывания и тексты-рефлексивы); 9) языковая игра (нарушение речевой нормы с целью придания слову более экспрессивного значения и достижения стилистического эффекта) [28].

Во второй главе «Анализ ключевых слов текущего момента в современной американской прессе 2014-2016 гг.» предлагается анализ ключевых слов текущего момента в современной американской прессе 2014-2016 гг. В ходе исследования были выделены ключевые слова текущего момента американского медиадискурса, которые активно использовались на

протяжении 2014-2016 гг. в таких печатных изданиях США, как *The New York Times* и *The Washington Post*.

Все ключевые слова были разделены на 2 группы: имена собственные (онимы) (*Putin* (В. Путин), *Obama* (Б. Обама), *Russia* (Россия), *Ukraine* (Украина), *Crimea* (Крым), *Syria* (Сирия), *Trump* (Д. Трамп), *Clinton* (Х. Клинтон), *ISIS* (ИГИЛ), *Brexit* («брексит», выход Британии из Европейского союза)) и имена нарицательные – *sanctions* (санкции), *elections* (выборы), *same-sex marriage* (однополоый брак), *refugee* (беженец), *migrant* (мигрант), *terrorism* (терроризм).

В работе был рассмотрен ряд имен собственных, которые можно отнести к КСТМ, например, антропоним *Putin* и его функционирование в американском медиадискурсе. В просмотренных 100 статьях газеты *The New York Times* за период времени со второй половины 2014 года до второй половины 2015 года антропоним *Putin* встречается 790 раз; в 100 статьях газеты *The Washington Post* данный антропоним встречается 615 раз, что говорит о частотности его употребления.

Стоит обратить внимание на активность анализируемого антропонима в заголовках статей. В заголовках 100 просмотренных статей газеты *The New York Times* данное ключевое слово встречается 40 раз, что тоже свидетельствует об активности этого слова в медиадискурсе США. Приведем некоторые примеры:

“*Putin, Ukraine and Sanctions*” (Путин, Украина и санкции) (NYT, 3.08.2014); “*Vladimir Putin vs. The Currency Market*”s (Путин против валютного рынка) (NYT, 15.12.2014); “*Putin Criticizes U.S. Over New Sanctions*” (Путин критикует новые санкции США) (NYT, 17.08.2014); “*Putin Bolsters His Forces Near Ukraine*” (Путин укрепляет свои силы на границе с Украиной) (NYT, 22.04.2015).

Следует также отметить грамматический потенциал данного антропонима, а именно реализацию словообразовательных возможностей [29]. Например, в текстах статей часто появляются такие единицы, как:

1) антропоним + суффикс *ist* (*Putinist* – путинист, сторонник политики Путина):

“*The liberals won 44 percent of the vote, compared with 39 percent for the Putinists*” (Либералы получили 44 процента на голосов, в то время как за сторонников Путина было отдано 39%) (WP, 1.12.2014);

2) антропоним + суффикс *-ism* (*Putinism* – путинизм):

“*Putinism — the cult of the strong leader who goes in the direction he pleases, seemingly contemptuous of opposition*” (Путинизм – это культ сильного лидера, который идёт своей дорогой, казалось бы, презирая оппозицию) (NYT, 4.12.2014);

3) антропоним + суффикс *-ian* (*Putinian* – путинский):

“*in predictably Putinian fashion*” (в предсказуемо путинской манере) (WP, 8.11.2015);

4) приставка *pro-* + антропоним (*pro-Putin* – пропутинский, поддерживающий Путина)

“*rather aggressive pro-Putin Russian youth movement*” (довольно агрессивное пропутинское российское молодёжное движение) (WP, 19.03.2014).

Также следует отметить широкие возможности сочетания этого антропонима с другими словами в тексте:

Putin era (эпоха Путина), *Putin ally* (союзник Путина) (WP); *to beat Putin* (победить Путина) (NYT), *to understand Putin* (понять Путина) (WP); *Putin's rise to power* (приход к власти Путина) (NYDN); *Putin's Russia* (путинская Россия), *Putin's plans* (планы Путина), *Putin's popularity* (популярность Путина), *Putin's move* (ход Путина), *Putin's catastrophic error* (катастрофическая ошибка Путина), *Putin's aggression* (агрессия Путина), *Putin's game* (игра Путина), *Putin's mentor* (наставник Путина), *Putin's land* (страна Путина), *in Putin's case* (в случае с Путиным) (WP).

Стремление как можно полнее раскрыть личность такой значимой фигуры в мировой политике, как Владимир Путин, объясняет использование анализируемого антропонима в предложениях-дефинициях, например:

“Vladimir Putin is the new czar of Russia” (Владимир Путин – новый российский самодержец) (WP, 25.09.2015).

Сравнение президента России с царём является показателем того, что в глазах американцев Владимир Путин предстаёт человеком властным и даже деспотичным, а его политический режим является авторитарным, напоминающим самодержавную власть российских царей.

Кроме того, при использовании данного ключевого онима наблюдается языковая игра, то есть преднамеренное отступление от принятых системных отношений языка с целью создания нестандартных языковых форм и структур, приобретающих в результате этого нарушения экспрессивное значение и стилистический эффект [30]. Например:

“Putin risks putting Russian boots on the ground to rescue his Syrian allies” (Путин решился на введение российских войск ради спасения своих сирийских союзников) (WP, 17.09.2015). В данном случае обыгрывается значение слов *Putin* (В. Путин) и *putting* (введение).

В работе также были рассмотрены имена нарицательные в роли КСТМ, например, слово *sanctions*. В просмотренных 100 статьях газеты *The New York Times* за период времени со второй половины 2014 года до второй половины 2015 года данное слово встречается 510 раз, а в 100 статьях газеты *The Washington Post* за тот же период данное слово встречается 470 раз. Эти данные свидетельствуют о частотности употребления ключевого слова.

Также обращает на себя внимание активное употребление этого слова в сильной позиции текста – в заголовках статей. В заголовках 100 просмотренных статей *The New York Times* это слово встречается 42 раза, а в заголовках 100 статей газеты *The Washington Post* – 37 раз, что также является показателем активности употребления данного слова. Приведём некоторые примеры:

“*A year into a conflict with Russia, are sanctions working?*” (Год конфликта с Россией: работают ли санкции?) (WP, 27.03.2015); “*Five myths about sanctions*” (Пять мифов о санкциях) (WP, 2.05.2014); “*Why Sanctions on Russia Will Backfire?*” (Почему санкции против России дадут обратный эффект?) (NYT, 5.03.2015); “*When Sanctions Lead to War*” (Когда санкции ведут к войне) (NYT, 21.08.2014).

Следует отметить расширение грамматического потенциала анализируемого ключевого слова – с помощью различных способов словообразования появляются новые лексические единицы, например:

1) *to sanction* (существительное переходит в глагол «применять санкции»):

“*...to sanction this type of conduct more severely*” (...применять более строгие санкции к подобному образу действий) (NYT, 28.11.2014); “*You sanction me? No, I sanction you!*” (Вы налагаете на меня санкции? Нет, это я налагаю на вас санкции!) (NYT, 28.03.2014);

2) *sanctioning* (наложение санкций):

“*...there is no scenario where the world joins us in sanctioning Iran*” (...у нас нет плана, когда весь мир присоединится к санкциям против Ирана) (NYT, 14.08.2015);

3) *sanction-barred* (под санкциями, запрещённый санкциями): “*Rosneft negotiated to rent from Gazprom four Russian ice-class drilling rigs for next season’s exploration work, should Exxon still be sanction-barred from doing the work next summer*” (Роснефть договорилась с Газпромом об аренде четырёх бурильных установок для исследовательских работ в следующем сезоне на случай, если на действия Exxon ещё будут распространяться ограничительные меры) (NYT, 29.10.2014).

Помимо указанных выше признаков ключевых слов, слово *sanctions* наделено широкими синтагматическими возможностями, например: *sanctions movement* (санкционное движение) (NYT), *new sanctions* (новые санкции) (NYT), *crushing sanctions* (сокрушительные санкции) (WP), *trade sanctions*

(торговые санкции) (NYT), *to suspend sanctions* (приостановить санкции) (NYT), *to double down on sanctions* (удвоить ставку на санкции) (WP), *strategies for sanctions* (стратегии санкций) (NYT).

Таким образом, в данной работе был проведён анализ ключевых слов текущего момента в рамках американского политического медиадискурса в определённый период времени – с 2014 по 2016 гг. К ключевым словам текущего момента в российской лингвистике относятся слова, отличающиеся высокой актуальностью в определённый, довольно недолгий, промежуток в развитии общества.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. Изучение КСТМ позволяет более точно интерпретировать политические и медийные тексты, понимать происходящие в окружающем нас мире события, а также постигать политическую картину мира. В связи с этим КСТМ можно рассматривать не только как составляющие лексической системы языка и элементы политического медиадискурса, но и как способ отражения внеязыковой действительности с помощью языковых средств, что делает данную категорию слов очень актуальным предметом исследования.